

Городские окраины

«Особой зловещей тихостью и особой нищенской живописностью полн Обводный канал...» – писал один из любимых петербургских писателей Бродского⁶¹. За Обводным каналом начинался город, совсем непохожий на Пантелеймоновскую улицу и ее окружение. Здесь сохранялось ощущение нищеты индустриальной окраины. Новый район, Автово, за Нарвской заставой еще только начинали строить. Екатерингофский парк неподалеку от 289-й школы был запущен и пользовался дурной репутацией. Речку Таракановку местные мальчишки называли Провоняловкой и говорили, что там плавают скелеты с блокадных времен. Таинственные, заброшенные места, близость залива с островами Гутуевским и Вольным, «на котором был яхт-клуб, и там канонерская лодка стояла, по которой я лазил»⁶². Городские окраины с их бедными домами, почернелыми от копоти заводскими корпусами, замусоренной полосой отчуждения вдоль железнодорожного полотна в модернистских элегиях двадцатого века заменили заглохшие парки, руины и сельские погосты поэзии

60 Школу полагалось посещать в районе проживания, но у отца сохранялась еще довоенная прописка в Кировском районе. Я благодарен В. В. Герасимову за подборку материалов о школьных годах Бродского (РНБ. Ед. хр. 2. Лл. 1-6).

61 *Вагинов К. К.* Козлиная песнь. М.: Современник, 1991. С. 112. Среди стихов Н. А. Заболоцкого, которыми он восхищался, Бродский особо выделял «Обводный канал» (1928) (см. *Волков 1998.* С. 288). Описанная Заболоцким «барахолка», рынок подержанных вещей, просуществовал на углу Лиговского проспекта и Обводного канала до середины пятидесятых годов. Хотя во времена Бродского гужевой транспорт уже был редок, в остальном картина напоминала описание Заболоцкого:

А вокруг – черны заводов замки,
высок под облаком гудок...

И воют жалобно телеги,
и плещет взорванная грязь,
и над каналом спят калеки,
к пустым бутылкам прислонясь.

62 *Интервью 2000.* С. 418.

прошлого. Мир индустриальных городских задворков, мир безрадостной встречи цивилизации и природы волновал Бродского, начиная с первых поэтических опытов, еще до того, как он начал всерьез читать Блока, до того, как он прочел Элиота, Одена, Милоша, познакомился с графикой Валлоттона, Мазереля, Добужинского. В 1961–1962 годах, когда он особенно увлекался джазом, Бродский несколько раз пытался сочинять стихотворение как джазовую импровизацию; при этом темами для вариаций всегда служили впечатления от индустриальных окраин:

Я – сын предместья, сын предместья, сын предместья,
в проволочной колыбели отсыревших коридоров дверь, адрес,
трамвайный звон, грохот, стук, звон, каменные панели,
подошвы,
невесты
вдоль окрашенных заборов, трава вдоль каналов, нефтяное
пятно, свет
фабрик...⁶³

В «Русской готике», начало которой процитировано, можно узнать перекресток Старо-Петергофского проспекта и Обводного канала, с его заросшими сорной травой берегами и грязной замазученной водой («буксиры по темной каше»). Бродский и вправду сын этого «предместья», поскольку там прошел первый год его жизни, по соседству с большими старыми заводами – «Металлистом» и отравлявшим округу запахом резины «Красным треугольником» (не отсюда ли последняя строка «Русской готики»: «о кларнет зари, возноси над предместьем треугольники жизни?»).